

Миясат МУСЛИМОВА

«КАК МЯГОК КАРИЙ ЦВЕТ...»

Миясат Шейховна Муслимова родилась в селе-нии Убра Лакского района Дагестана. Окончила Дагестанский государственный университет, аспирантуру МГПУ. Доцент ДГУ. Прошла трудовую путь от учителя школы до заместителя министра по печати и информации РД. Поэт, переводчик, литературный критик, журналист. Пишет на русском языке. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Крещатик», «Дарьял» и др. Автор нескольких книг стихотворений, переводов. Победитель Международного литературного конкурса «Золотая строфа – 2010». Лауреат Всероссийской премии «Поэт года – 2013», литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Волошина и др. Председатель Дагестанского отделения Союза российских писателей и Дагестанского отделения Клуба писателей Кавказа. Живёт в Махачкале.

ЗЕРКАЛА

Парча осенних переплясов,
охапка ветра, купола...
Старуха с пряжей на пороге
и с жизнью, выпитой дотла,
И сын садовника в седилах
в забаве тронет облака,
От детских слёз до воскресенья
течёт и катится река.

Под мостом, мотая гривой,
Мчатся воды торопливо,
А меж волн луна дрожит,
Дынным ломтиком кружит.

Жемчужной нитью обрываясь,
сорвались звуки из окна,
А следом сердце замирает.
Рояль. Хлопок. И тишина.
В родстве с небесной высотой
и отлучённый от семьи,
Он бродит с кистью за мечтою
и спит на краешке скамьи.

За окном взлетели руки,
Это птицы или звуки?
Это просто черепки,
Разойдитесь, чудаки...

Нет удачливым доверья, и,
от сытых сторонясь,
Он рисует праздник хлеба,
света призрачную вязь.
Парча осенних переплясов,
охапка ветра, купола,
И упоение от красок,
и кисти нашей зеркала...

НЕБЕСНАЯ КУРА

Для тоста нужен повод?
Никогда!
Поднимем рог, случайный
собеседник.
Тень грусти лишь текучая вода:
Была — и нет, как дождик
в Кобулету.

Смотри, какая ночь!
Подставь же рог!
Искристый ковш над нами
опрокинут,
Из сотен нами пройденных
дорог
На небесах, поверь, одну лишь
примут —

И мы на ней, смотри!
Из темноты
Она друг к другу вывела
навстречу.
Я сам давно с печалью на ты
И тенью их с рождения отмечен.

Для тоста нужен друг,
ты будешь им,
Вся наша жизнь лишь словом
осиянна.
Давай с тобой о ней поговорим
Стихами Руставели, Тициана...

Какая тишина...
Нежданный друг,
Пусть отдохнут зурнач
и сазандари
От музыки бессонного вина...
Вращает круг небесная Кура
И бьётся в грудь в неистовом
угаре,
Шумит у изголовья до утра...

Щедрый ковш поднебесный всё
лётся и лётся, мой друг,
Мои речи длинны, нет конца
уходящим, всё длится
печальный обряд,
И когда мы сведём берега
после долгих разлук,
То поклоном проводим людей —
тех, которые нас возродят.

СКОРОТЕЧНЫЕ БРАТЯ МОИ

Скоротечные братья мои,
тонкоструйные сёстры земные,
Мир кружится меж тайных
невидимых свету корней,
И плывут наши души —
форели песчано-речные,
Древнее камней Бухары,
минаретной лазури нежней.

Тяжкорукие братья мои,
бессловесные сёстры земные,
Глиной текучей плоть обернула
моря.
Где начала её, где концы декабря
восковые,
Где взовьётся ветвистое древо
верного Солнцу огня?

Эти руки пророков шаманят
под гул ураганный,
Братья-подкидыши, сёстры мои
лиходейки!
Сребролиственный день
постучится в окошко незваный
Тополем ясным, а уйдёт
обессиленной змейкой.

О, беспамятство братьев
и клёкот сестёр позабытых,
Не знающих слова «отец»,
не вскормивших собою поля!
Мир возжаждали мощи
одряхлевших и кровью умытых,
Разрывают могилы, прицельно
по мёртвым паля.

Скоротечные братья мои,
тонкоструйные сёстры земные,
Удостойтесь посмертно
вырванных тленом корней.
Вместе с вами плывут
сребропевчие души, и уста их
немые
Древнее Дербента и Рима,
минаретной лазури нежней.

Я РАСПАХНУЛА ДВЕРИ

Я распахнула двери. Гул толпы
Ворвался, опрокинув стылый
ветер.
Как жесты обречённого скупы
На сквозняке воззваний
и запретов!
Закрой и отступи, пока
не поздно,
Пока на службе у одной лишь
Музы!
Но если ты услышал, то опознан,

И вот уже ложится тяжким
грузом
Чужая боль на грудь, чужая
ярость.

Каюсь.
Она жила во мне, но, отвергая
Зов пропасти, я затворила
двери,
Закрыла окна в стихотворном
рае.
Воздалось мне по сердцу
и по вере —
Иду на зов. Чей голос я,
чья сила?
По ком звонят опять колокола?
Гул за окном. Я двери отворила:
«Твоя святая за тобой пришла».

ШЁПОТ

Так выпуклы вещи в ночной
тишине,
Так тени причудливо-близки...
Качается тополь в открытом
окне,
Бросает в окошко записки.

Они холодны от прошедших
дождей,
Слетают на стол отрешённо.
Здесь ветер дыханья любимых
нежней,
И звёзды в ночи обнажённой.
И шёпотом губ я о счастье
пищу,
К Нему этой ночью зываю.
Спасибо за то, что в стихах
ворожу,
Ищу и блуждаю по краю.

Спасибо за то, что язык
Твой велик
И в каждом творении звучен,
За замысел тайный,
за солнечный блик,
За мёд ожиданья тягучий.

Так трепетно утром день снова
расцвёл,
Но мне Ты дал участь иную.
За то, что всю жизнь к этой
ночи Ты вёл,
Я плачу от счастья, ликую.

Мой шёпот неслышен, я плачу
тайком,
Медсёстры заснули устало,
И тополь печально шумел
за окном,
И смерть, как сиделка,
картинки листала.

АНЖИ*

Бабочки пахнут полынью,
Йодовый воздух искрит,
Мерные волны латыни
Бьются о певчий санскрит.

Пена морская наутро,
Плавно прервав миражи,
Стынет у гор перламутром,
Выронив жемчуг Анжи.

Смири, Тарки-Тау, гордыню
У моря хазарских кровей,
Пусть горькие песни полыни
Остудят морской суховой.

Омытый дождями, прибоем,
С мерцаньем слюды на камнях,
С мальчишеским ветром-изгоем,
Черешневым цветом в горстях

Мой город прекрасен, я знаю,
В нём волей природы сошлись
И горы, и степи без края,
И море, и ласковый бриз,

Барханов тягучие тайны,
И гордый орлиный полёт,
И щедрость равнины бескрайней,
На корчах не тающий лёд.

...Бабочки пахнут полынью,
Йодовый воздух искрит,
Мерные волны латыни
Бьются о певчий санскрит...

КАК МЯГОК КАРИЙ ЦВЕТ

Как мягок карий цвет,
стекающий к сосцам...
Их белизной как будто очарован,
Застыл рассвет, и к тихим
бубенцам
Склоняет рог печальная корова.

Платок завяжет мама узелком.
В протяжном повторении земного
В сосуде пенится и тонет молоко,
Коричневым баюкает корова.

Копытца держат землю, и она
Под синевой небесного покрова
У ног крестьянки кротко
прилегла.
В тени каштана светится корова.

* Анжи – старинное название Махачкалы.

Устали краски удивлять людей,
И мир глядит с наивностью
Нико,
Как просто жизнь течёт и без
затей
Струится под ладонью молоко.

ВОСПОМИНАНИЕ

Из света в полутьму, из темноты
на свет
К высокому кресту из суеты сует,
К скрещению дорог на каменный
порог
Заклятием теней зовёт
дремучий рок,

И вот

Взвились огненные кони
взрывом солнца в небесах,
Время сыплется в ладони,
пеплом стынет на глазах,
И над миром медлит в танце
огнегривое кольцо,
Бьют хвосты протуберанцев
в лики вздыбленных гонцов.
Из глубин веков Вселенной
тетивой летит стрела,
Над гробницами Равенны эхо
пьют колокола.
Воздух плавленной свободы —
под копытами коней,
Отекают чьи-то годы в пустоте
ненужных дней.

Но

Что за огненные кони
возвращаются с небес?
Ангел их устало гонит или бьёт
под рёбра бес?

Кровью пишутся затменя
и ложатся на холсты.
Над горой уснувшей тени
поднимают ввысь кресты,
И стремительные реки остужают
альпий бег,
Выплывает из столетий Ной,
и с ним его ковчег —
Мимо торжища лесного,
мимо запахов земли
К яслям высохшей коровы,
к плачу брошенной любви,

И вот

Из пустоты к огню, из темноты
на свет,
К высокому костру из горечи
и бед
Зовёт крылатый конь,
спускаясь на порог.
Кому — моя ладонь?
И кто теперь мой рок?

НЕ РОПЩИ, БОГОРАВНЫЙ АХИЛЛ

Ахилл безутешен, жертвенный
дар отвергая, —
Что ему мавзолеей,
на фракийской земле кенотаф?
Поликсены невинная кровь,
в царство Аида стекая,
Вопрошает, дымясь: разве
«жертва» — не имя расправ?

— Над участью мёртвых ты царь,
и участь твоя здесь отрадна.
Не ропщи, богоравный Ахилл,
не кощунствуй меж нами!
— Одиссей, как подёнщик, готов
я за плугом идти, за волами,

